

РЕГИОНЫ РОССИИ В XVII – XVIII ВЕКАХ

УДК 94(470):352/353

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ШУЙСКОЙ И СУЗДАЛЬСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ В XVII ВЕКЕ

Е. С. Бутрин

Шуйский государственный педагогический университет, 155908, Шуя, ул. Кооперативная, д. 24
esbutrin@yandex.ru

История взаимоотношений суздальской и шуйской администрации в XVII в. рассматривается в контексте административной зависимости пригорода от «старшего города». Анализируются разные виды зависимости Шуи от Суздаля: участие в «городовом деле», судебная и податная зависимость. Делается вывод о том, что московская администрация использовала некоторые виды административного подчинения с целью обеспечения гибкости управления на местах.

Ключевые слова: XVII в., пригород, воевода, земская администрация, губная администрация, налоги.

Рассмотрение взаимоотношений воеводской администрации городов Суздаля и Шуи в течение XVII в. позволяет мобилизовать новые данные для решения вопроса о взаимоотношении пригородов и «старшего» города на позднем материале. Сам феномен «пригородов» хорошо известен исследователям Древней Руси. Однако он был широко распространен и в системе местного управления Московского государства XVI–XVII вв. Генетическая связь подобных явлений в период раннего и позднего Средневековья во многом остается невыясненной. В XVII в. «пригороды» были у многих уездных центров: Новгорода, Пскова, Казани, Астрахани, Свияжска, Галича, Костромы, Рязани, Вятки, Перми, Смоленска, Воронежа, Тамбова [Смирнов, 1919, с. 34–41, 54–59, 66–69, 82–84, 120–126]. Часть их имела еще домосковское происхождение (Новгород, Псков, Вятка, Смоленск), часть возникла в связи со строительством укрепленных линий в XVI–XVII вв. (Казань, Астрахань, Свияжск, Воронеж, Тамбов). Третью группу составляли пригороды городов, являвшихся прежде центрами удельных княжеств.

В этот период пригороды представляли собой небольшие города, подчинявшиеся уездному центру «всякою ведомостью, и владетельством, и податми» (Котошихин, 2000, с. 148–149). Однако целостной оценки взаимоотношений «старшего» города и «пригородов» в период позднего Средневековья (XVI–XVII вв.) не дано. Крупнейшие дореволюционные исследователи вопроса А.Д. Градовский и Б.Н. Чичерин сходились в том, что степень зависимости пригородов от главных городов «не определялась никаким общим правилом и даже изменялась, с каждым наказом» [Чичерин, 1856, с. 343; Градовский, 1868, с. 221–222]. Причиной подобного историографического пробела является, с одной стороны, весьма обширный материал, а с другой – местные особенности, определявшие подобные взаимоотношения на различных территориях Московского государства. Следовательно, необходимо детально характеризовать связь старших городов с пригородами на локальных примерах. Подобная попытка в отношении Казанского края предпринята И.П. Ермолаевым [Ермолаев, 1982, с. 128–130]. Мы постараемся прояснить вопрос о взаимоотношении суздальской и шуйской приказной администрации именно в этом ключе. Такую возможность предоставляют материалы архива земской избы г. Шуи, сохранившегося практически целиком благодаря усилиям местных краеведов XIX в.

Автор монографии о городах Северо-Восточной Руси XIV–XV вв., А.М. Сахаров, прямо называет Шую «пригородом» Суздаля. По его мнению, первоначально она представляла собой небольшой феодальный центр, из которого впоследствии вырос город [Сахаров, 1959, с. 43]. Шуйский уезд как административно-территориальная единица выделился из Суздальского уезда достаточно поздно. До последней четверти XVI в. Шуя была центром одного из «станов» Суздальского уезда. Шуйский уезд как административный центр впервые упоминается в указной грамоте от 14 марта 1576 г. великого князя Симеона Бекбулатовича по челобитной В.С. Каблукова шуйскому го-

родовому приказчику (Акты исторические..., 1841, т. 1, № 195, с. 360–361). Однако формирование его территории в этот момент еще не завершилось. Горенский стан, в котором находились владения Каблукова, по межеванию 1627–1630 гг. относился к территории Суздальского уезда (Писцовые книги..., 2007, с. 297–298).

Мы постараемся проследить направления притязаний суздальской воеводской администрации на самостоятельность бывшего «пригорода» в XVII в. Первым направлением узурпации прав шуйской администрации суздальским воеводой была податная зависимость – право на взимание казенных доходов. В течение полутора десятилетий после Смутного времени суздальская администрация стремилась распространить свою юрисдикцию на значительную часть шуйских налоговых сборов.

В 1611–1612 г. шуянами была получена грамота, по которой с них запрещалось брать «кормов и даточных людей, и денежных всяких доходов на прошлые лета» до 1 сентября 1612 г. Однако суздальский воевода князь Р.П. Пожарский этому указу не внял. Он взял в Суздаль из Шуи двоих посошных и пятерых даточных людей. Кроме того, 5 ноября 1612 г. от него поступил приказ о сборе на шуянах «платежных книг и отписей» за предыдущие годы. По этим документам требовалось «доправить» на них «оброшныи и пищальные денги» на 1609–1612 гг., а также собрать стрелецкий корм. Для этого сбора в Шую прислали 8 стрельцов, и было «велено их кормити». А 9 ноября 1612 г. в Шую из Суздаля явились Первый Корсаков и черкасский сотник Иван Суходольский, а с ними 60 казаков. Они стояли на посаде 5 дней и «имали сильно» корм на себя и кабацкое питье. В челобитной по этому поводу шуяне просили впредь взимать деньги и корма не суздальским воеводам и их посланникам, а в приказе Галицкой чети в Москве. Мотивировали они это практикой предыдущего времени. Присланных же для сбора стрельцов они просили «с посаду свести» (Борисов, 2004, т.2, № 6, с. 294–295). 2 декабря 1612 г. шуйскому воеводе был отпущен указ «чтоб из Суздаля отнюдь никаких грамот и наказов и посланников, опричь с Москвы боярских и воеводских грамот» он не принимал, а «всякие доходы» платил в Москву (Акты подмосковных ополчений..., 1911, № 84, с. 101–103).

Однако притязания суздальских воевод не закончились. В новой челобитной земский староста сообщал, что в Шую поступил наказ от Р.П. Пожарского, согласно которому с посада требовалось собрать 150 четвертей ржи и столько же овса. Этот хлеб надлежало доставить в Суздаль для стрельцов сотни Никифора Михайлова. Однако шуяне сообщали, что им «того хлеба платити невозможно». В царской грамоте шуйскому воеводе И.Я. Блохину от 9 марта 1613 г. было велено освободить шуян от этого платежа [Любомиров, 1939, № 4, с. 240–241].

23 декабря 1615 г. из Суздаля в Шую с наказом от воеводы и дьяка был прислан губной староста Меншой Шилов. Он должен был получить с Шуйского уезда корм для присланных в Суздаль «для всякого время» 100 московских стрельцов и 9 суздальских стрельцов – по 20 четвертей ржи с сохи и «подмогу» для суздальских дьячков – по 4 рубля с сохи. В ответ шуяне жаловались, что 100 стрельцов присланы в Суздаль «для осады на время», а суздальских стрельцов и дьячков они не выбирали и «подмоги» им не рядили. Наконец, они напоминали, что «прежде сево они всякие доходы платили в одном городе в Шую, а в Суздале никаких доходов не платили». В результате шуйскому воеводе Т.Г. Охотину 11 января 1616 г. была направлена грамота с запрещением «править» с шуян указанные деньги (Борисов, 2002, т.1, № 10, с. 156). Подобный казус возник в 1620 г. Шуяне жаловались, что «емлют на них сильно в Суздале даточные люди и посоху и городовую поделку и стрельцам корм и подьячим подмогу», присылают к ним стрельцов и рассыльщиков и те берут у шуян «кормы свои и конские великие и подводы многие и понятые». В грамоте шуйскому воеводе Д.С. Змееву от 7 марта 1620 г. запрещение было подтверждено (Борисов, 2004, т. 2, № 15, с. 306–307).

Очевидно, претензии суздальских воевод на сбор доходов с Шуи были основаны на практике того времени. Об этом свидетельствуют показания неизвестного автора челобитной, получившего в приставство Суздальский уезд. Он отмечал, что в наказе, выданном ему для сбора корма, не обозначен Шуйский уезд. Этот уезд характеризуется таким образом: «А кормы всякие и подати платят в Суздале» (Акты, собранные..., 1836, т. 2, № 198, с. 246–247). Судя по всему, это право было узурпировано суздальскими воеводами в ходе установления контроля тушинцев над территорией Шуйского уезда. Об этом сообщает суздальский воевода Ф.И. Плещеев в отписке гетману Я.П. Сапеге. По его словам, «у нас во многих городех от великих денежных сборов учинилась смута великая»,

вследствие чего «мужики заворовались и крест целовали Василию Шуйскому». Воевода совершил поход на Шую, во время которого суздальцы «их (воров. – *Е.Б.*) побили и острог взяли, и посады шуйские пожгли» (Акты, собранные..., 1836, т. 2, № 110, с. 139–140). При отсутствии «четвертного» управления, находившегося под контролем Шуйского, тушинские воеводы на местах узурпировали его права [*Лисейцев*, 2011, с. 205]. Таким образом, возникает практика взимания «четвертных» доходов в Суздале.

Изначально эта практика распространялась на все «четвертные доходы». В частности, 14 мая 1611 г. суздальские воеводы И.П. Головин, П.И. Секерин и Ф.М. Болотников приняли оброчные деньги с посада у шуйского целовальника. 18 июля 1611 г. суздальский воевода И.З. Просовецкий принял 20 рублей «за запасы» у шуйского кабацкого целовальника. 15 февраля 1612 г. суздальский воевода А.З. Просовецкий принял «четвертных денег» с посада 37,5 рублей – «что было в зборе» (*Борисов*, 2004, т. 2, № 3, 4, 6, с. 33–34).

В дальнейшем, с нормализацией центрального «четвертного управления», претензии суздальской администрации ограничиваются лишь рядом сборов. В числе их особое место занимали денежные и натуральные сборы на корм суздальским стрельцам и казакам. В частности, несмотря на запрещение собирать кормы для стрельцов сотни Никифора Михайлова, уже 29 мая 1613 г. по наказу из Суздаля сборщики И.И. Исаков и С.И. Костеев собрали с Шуи «астроханским стрельцам» Михайлова на годовое жалование 37,5 рублей. Кроме того, для них производился и «кормовой сбор»: 25 июня 1613 г. И.А. Исаков принял с Шуи 20 четвертей ржи, 5 четвертей круп и толокна, а 23 октября И.Е. Болотников принял для них же у шуйского земского старосты 5 подвод. 12 декабря 1613 г. суздальский воевода И.И. Салтыков принял им на жалование 100 рублей из шуйских кабацких доходов (Архив СПб ФИРИ РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 3. Л. 1; Д. 5. Л. 5–6). 28 июня 1613 г. в Шую из Суздаля прибыл В.Ю. Бобынин с наказом собрать кормовой сбор для московских стрельцов (приказа Ивана Козлова и сотни Дмитрия Лабутина). «Розвытя, почему довелос взяти по сошному писму», он собрал с шуйского посада «за всю про всю» 6 рублей. 5 января 1614 г. по наказу воеводы И.И. Салтыкова он же принял у шуян кормовые сборы для суздальских стрельцов (приказ Давида Александрова), пушкарей и затинщиков (Архив СПб ФИРИ РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 3. Л. 1; Д. 8. Л. 1–2).

После запрещения «стрелецких сборов» суздальская администрация пыталась распространить свою юрисдикцию на единовременные сборы «на государево дело» (поставка «подъемных лошадей», хлебные запасы) и сборы «московским охотникам». 27 сентября 1613 г. по наказу суздальского воеводы Ф.В. Каблуков принял с Шуи «в государевы подъемные лошади к Троице в Сергиев монастырь» 3 рубля (Архив СПб ФИРИ РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 5. Л. 4). А 7 марта 1614 г. суздальский осадный голова Г.П. Мякишев получил из шуйского посада «мерина со всею извозною снастью для государева дела под Смоленск» (*Лядов*, 1874, с. 2). 15 февраля 1617 г. суздальский целовальник Федор Рогачев принял у Шуи «московским охотникам на подмогу» 6 рублей. Сам целовальник при этом получил 0,5 рубля подмоги (ГАИО. Ф. 324. Оп. 2. Д. 6. Л. 1) [*Барсуков*, 1902, с. 219]. 14 апреля 1619 г. суздальский воевода В.А. Давыдов получил 100 рублей «московским охотникам на прогоны», а также деньги «за тверские хлебные запасы», на жалование суздальским подьячим и «за бревна, что иманы на государево дело к тайнику» (ГАИО. Ф. 324. Оп. 1. Д. 13. Л. 1). Таким образом, суздальский воевода включил в свою компетенцию и деньги за «городовую постройку» в Суздале. А 12 октября 1619 г. суздальский воевода Г.И. Дрозжин получил указ о взимании с шуян пошлины «на жалованье и прогоны московских городов охотникам» по новому дозору (Летопись занятий..., 1914, № 48, с. 219). 13 декабря 1619 г. суздальский целовальник Фрол Иванов принял с Шуи деньги «ямским охотникам на жалованье и прогоны». «Подмога» для Суздальских целовальников составила по 5 копеек с четверти пашни (ГАИО. Ф. 324. Оп. 1. Д. 16. Л. 1–1 об.). Этот акт помогает выяснить основания претензий на получение «подмоги» с Шуи суздальскими подьячими. В данном случае на подмогу имел право даже составлявший отпись подьячий Воинко Пивов – по 1 копейке с четверти пашни «на бумагу»). Следовательно, основанием для получения подмоги было участие суздальских подьячих во взимании доходов с Шуи.

Последняя попытка притязаний суздальских воевод на получение «ямского сбора» относится к середине 1620-х гг. 7 декабря 1625 г. суздальский воевода И.В. Хилков должен был принять с шуян ямские деньги «московским и разных городов охотникам на жалованье и на прогоны» (ГАИО. Ф. 324. Оп. 2. Д. 36. Л. 1–1 об.) [*Барсуков*, 1902, с. 219]. Однако в этой отписи нет указания суммы и

отметки об участниках платежа. Поэтому можно сделать вывод о том, что эта операция осуществлена не была. При этом уже через два дня, 9 декабря, этот «оклад» был выслан в Ямский приказ шуйским воеводой С.М. Воейковым с целовальником Вторышкой Григорьевым (ГАИО. Ф. 324. Оп. 1. Д. 13. Л. 1). Очевидно, попытка суздальского воеводы вновь узурпировать право сбора ямских денег потерпела неудачу. Это легко объяснимо устоявшейся практикой: в течение предыдущих пяти лет «большая ямщина» направлялась шуйскими воеводами непосредственно в Ямский приказ, а «малая ямщина» – в приказ Большого прихода (ГАИО. Ф. 324. Оп. 1. Д. 18. Л. 1; Д. 25. Л. 1–1 об.; Д. 33. Л. 1–1 об.; Д. 37. Л. 1–1 об.; Д. 39. Л. 1; Оп. 2. Д. 14. Л. 1; Д. 23. Л. 1; Д. 27. Л. 1; Д. 28. Л. 1; Д. 29. Л. 1–1 об.; Д. 32. Л. 1). Таким образом, после ликвидации «кормовых сборов» на стрельцов суздальская администрация стремилась сохранить свои податные права на разовые сборы и «большую ямщину». Но с начала 1620-х гг. эта практика окончательно ликвидируется, и попытка восстановить ее в 1625 г. не имела успеха.

В дальнейшем можно отметить еще один случай актуализации притязаний суздальской администрации на сбор доходов с Шуи. 18 декабря 1637 г. в Шую поступил указ о сборе на жалование даточным людям в Москву по 2 рубля с двора [Борисов, 2004, т. 2, № 52, с. 339–341]. Шуяне заплатили требуемую сумму, но «в те деньги многие животишка изпродали». В следующем году сбор было велено повторить. Собрать требуемого не удалось, поскольку на посаде запустило 32 двора (Борисов, 2004, т. 2, № 45, с. 70–71). В челобитной по поводу пожара, случившегося в городе 15 августа 1640 г., шуяне просили «дати льготе во всяких доходах» (Борисов, 2002, т. 2, № 23, с. 167). Вскоре они сообщили, что «мучат живот свой на правеже» дворовых денег «за пустые дворы» на 1638/39 г. (Борисов, 2004, т. 2, № 43, с. 68–69). В результате 18 декабря 1640 г. суздальскому губному старосте С.И. Заборовскому был направлен указ с запрещением взимать с шуян «доимочные деньги» на жалование ратным людям (Летопись занятий..., 1914, № 194, с. 236).

В 1646 г. по царскому указу жители Шуйского уезда должны были принять участие в строительстве «рубленого кремля» в Суздале [Ланно-Данилевский, 1890, с. 381–382]. По смете «городельца» Н.М. Беклемишева посадским людям требовалось сделать башню, «что подле Ильинской башни», две городни, земляное дело «и всякия городовыя крепости». Для выполнения этих работ шуяне наняли суздальских плотников (Летопись занятий..., 1914, № 239, 243, с. 241–242). Следующая попытка привлечения шуян к городovým работам в Суздале оказалась менее удачной. В челобитной по этому поводу они сообщали, что суздальский воевода для привлечения их к городской починке присылает в Шую приставов и велит прислать в Суздаль четырех целовальников и «лес возить к городовому делу». В указе от 4 июня 1662 г. шуянам была дана отсрочка до весны, «для их пожарного разоренья», хотя они просили о полном освобождении от повинности (Борисов, 2004, т. 2, № 97, с. 373–374). В данном случае с них была снята важнейшая часть повинности – доставка «городового леса», поскольку он обычно доставлялся зимой (Летопись занятий..., 1914, № 236, с. 241).

В 1666 г. суздальскому воеводе В.И. Прокудину было поручено исправить «худые места» в городских укреплениях. Для привлечения к этой работе шуян он направил к ним приставов, которые «волочат их с собою в Суздаль». В ответ те били челом об оставлении за ними прежнего строительного участка, и 26 января 1667 г. Прокудин получил указ, запрещавший привлекать шуян к городovому строению в Суздале, если «городовое дело, что они делали преж сего, стоит ныне все цело и впредь будет прочно» (Борисов, 2002, т. 1, № 42, с. 184–185). Новый суздальский воевода Б.В. Яковлев в письме шуйскому воеводе И.И. Боркову вновь повторил требования о привлечении шуян к «городовой поделке». Он отмечал, что «в Суздале городовое дело большое, от реки Каменки вешнею водою осыпь отрыло против четырех башен», а также разломан тайник «и иныя поделки старыя». Яковлев требовал, чтобы шуяне предоставили для строительства «лес и всякой городской припас» [Тихонравов, 1860, с. 19–20]. В ответ шуяне вновь жаловались на то, что суздальский воевода требует «город делат от реки Каменки чюжие поделки», тогда как их участок остался цел (Памятники деловой письменности..., 1984, № 167, с. 191; Летопись занятий..., 1914, № 450, с. 266). В результате 25 ноября 1668 г. Яковлев получил предписание к «городовой поделке» шуян не привлекать (ГАИО. Ф. 324. Оп. 1. Д. 152. Л. 1–3).

В 1673 г. этот вопрос вновь поднял суздальский воевода Тимофей Савинов. В ответ шуяне представили своему воеводе И.С. Ушакову список грамоты, по которой им в Суздале «чужих поделок городовых делат не велено». 10 сентября 1673 г. Ушаков отправил в Суздаль отписку об отка-

зе в помощи. Савинов отвечал, что «нынешнее городское дело» необходимо делать «вновь от реки Каменки до самой городской стены и город и башни все крыт вновь». Ушакова же он обвинял в том, что тот «укрывает непослушанье» шуян [ГАИО. Ф. 324. Оп. 1. Д. 185. Л. 1].

Надо сказать, что привлечение к «городовому делу» жителей соседних уездов было достаточно распространенной практикой [*Ланно-Данилевский*, 1890, с. 380–381]. Аналогичная ситуация возникла и при строительстве воеводского двора в Суздале. 16 декабря 1668 г. в Шую по приказу суздальского воеводы явился подьячий Авраам Титов. Он требовал собрать с шуйских уездных и посадских людей деньги на строительство воеводского двора. Шуяне ответили, что строят «воеводской и губной дворы и съезжую избу у себя в Шуе на посаде». Денег «на лесную покупку» подьячему не выделили, а 8 апреля 1669 г. суздальский воевода получил предписание на строение воеводского двора с шуян «денег ныне и впред не спрашивать» (ГАИО. Ф. 324. Оп. 1. Д. 154. Л. 1–1 об.; *Борисов*, 2004, т. 2, № 122, с. 398–399). Эти притязания уже являлись из ряда вон выходящими, как в ситуации первого десятилетия после Смуты, когда суздальские подьячие получали в Шуе «подможные деньги». В обоих случаях суздальцы требовали исполнения тех обязанностей, к которым могли привлекаться только административно зависимые лица (организации). И выплата «подмоги» земским подьячим, и строительство административных зданий осуществлялось жителями уезда, «тянувшего» к городскому центру.

Кроме того, следует отметить распространение на Шую уголовной юрисдикции суздальских представителей губного и воеводского управления в случае отсутствия таковых в Шуе. В 1664 г. сыщик А.И. Огибалов провел в Шуе обыск о «татях и разбойниках» (*Борисов*, 2004, т. 2, № 94, с. 119; ГАИО. Ф. 324. Оп. 1. Д. 137. Л. 1–1 об.). Он получил показания, что в Шуе «в прошлые годы тати лошадей и клетки и анбары крали, а иные воры посацких людей побили». Несмотря на то что об инцидентах была «записка в съезжей и губной избах», шуяне были объявлены виновными в том, что среди посада «учинилось два убийства», а земские старосты не сообщили об этом в Суздаль (*Борисов*, 2002, т. 1, № 37, с. 180; ГАИО. Ф. 324. Оп. 1. Д. 138. Л. 1–1 об.). В результате 30 октября на них было велено «доправить» большую пеню. В 1679/80 г. по государеву указу «велено в Шуе татинные и розбойные дела ведать воеводам, и губные избы сломать и губным старостам не быть». Шуяне в ответ били челом (через суздальского воеводу К.А. Лопухина) о разрешении оставить для постоя приказных людей построенный для старосты постоянный двор. Однако едва 6 декабря 1681 г. в Шую прибыл новоназначенный воевода Н.П. Вяземский, шуяне били челом о возвращении ему права «в Шуе ведать губные дела», поскольку от суздальских «подьячих и губных целовальников и приставов» им чинится «обида большая, налоги и убытки великие» (*Борисов*, 2002, т. 1, № 59, с. 198–199). Таким образом, при отсутствии воеводской администрации в своем городе шуяне поступали под административный контроль суздальских воевод, причем касалось это только уголовных дел. Очевидно, такая практика была связана с приоритетом этой отрасли юрисдикции (гражданские дела отлагались до появления воеводы на месте).

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что спектр притязаний суздальской администрации на самостоятельность Шуи в течение XVII в. был достаточно широк. Но шуяне ревностно отстаивали свою самостоятельность. В податную зависимость от суздальской администрации Шуя попала в результате кризиса «четвертного управления» в период «Тушинского сидения» (1608–1610 гг.). Сразу после реконструкции органов центрального управления шуяне постарались освободиться от нее. Однако кризисная ситуация в государстве способствовала произволу местной администрации, поэтому полностью освободиться от податных притязаний суздальской администрации шуянам удалось лишь к началу 1620-х гг.

Два других направления притязаний на самостоятельность Шуи – привлечение шуян к «городовому делу» в Суздале и распространение на них уголовной юрисдикции суздальского воеводы в случае отсутствия такового в Шуе – были прямо связаны с особенностями административной политики московской администрации. В указанных областях инициатива принадлежала уже не суздальской администрации, а центру. Тем не менее эта политика встречала пассивное сопротивление шуйской земской администрации. Это выражалось в уклонении от «общего городского дела»: шуяне принимали ответственность лишь за определенный участок укреплений. Кроме того, они стремились свести к минимуму контакты с суздальской администрацией в отсутствие своего воеводы. Как видим, любые попытки притязаний на самостоятельность города (будь то инициатива суздальской администрации или указание из центра) воспринимались шуянами негативно. Это можно объ-

яснить тем, что административная зависимость была сопряжена с выполнением определенных обязательств по обеспечению приказной и земской администрации (выплата «подмоги» ее членам и поддержание в порядке административных зданий). И суздальская администрация неоднократно выражала подобные притязания. Однако после окончательного освобождения от податной зависимости шуяне решительно отказывали в них, ссылаясь на то, что имеют собственную администрацию.

Выявление особенностей взаимоотношений суздальской и шуйской администрации в течение XVII в. позволяет заметить, что следы административной зависимости Шуи от Суздаля до последней четверти XVI в. сохранялись на протяжении следующего столетия. Причем по ряду направлений она поддерживалась московской администрацией. Причины тому были чисто практические: подобная зависимость обеспечивала гибкость управления на местах. В то же время шуйская администрация (как земская, так и приказная) относилась к подобным притязаниям соседа негативно, стремясь любыми способами подчеркнуть свою независимость от бывшего «старшего города».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1841. Т. 1.
Акты подмосковных ополчений и Земского собора 1611–1613 гг. / ред. С.Б. Веселовский. М., 1911.
Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографической экспедицией Императорской Академии наук. СПб., 1836. Т. 2.
Архив Санкт-Петербургского филиала Института Российской истории РАН (Архив СПб ФИРИ РАН). Ф. 21 (Коллекция В.А. Борисова). Оп. 1.
Борисов В. А. Собрание трудов (материалов): в 3 т. / ред. Е.Г. Вопилин, В.И. Баделин. Иваново, 2002. Т. 1; 2004. Т. 2.
Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. 324. (Коллекция Я.П. Гарелина). Оп. 1, 2.
Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. М., 2000.
Летопись занятий Археографической комиссии за 1913 г. СПб., 1914. Вып. 26.
Лядов И.М. Отписка в принятии для государева дела лошадей с города Шуи 1616 г. // Владимирские губернские ведомости. 1874. № 3.
Памятники деловой письменности XVII в.: Владимирский край / ред. С.И. Котков. М., 1984.
Писцовые книги Восточного Замосковья / сост. М.Ю. Зенченко, Н.П. Воскобойникова, Г.А. Иванова, В.А. Кадик, А.В. Маштафаров. М., 2007.
Тихонравов К.Н. Акт о высылке в Суздаль из Шуи рабочих людей в 1668 г. // Владимирские губернские ведомости. 1860. № 4.

Библиографический список

- Барсуков А.П.* Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. СПб., 1902.
Градовский А. Д. История местного управления в России. СПб., 1868. Т. 1.
Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI – XVII вв. Казань, 1982.
Лапто-Данилевский А.С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890.
Лисейцев Д.В. Четвертные приказы в России начала XVII в. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 3.
Любомиров П. Г. Очерк истории Нижегородского ополчения. М., 1939.
Сахаров А.М. Города Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. М., 1959.
Смирнов П.П. Города Московского государства в первой половине XVII в. Киев, 1919. Т. 2.
Чичерин Б. Н. Областные учреждения России в XVII в. М., 1856.

Дата поступления рукописи в редакцию 25.03.2015

RELATIONS BETWEEN THE SHUYA AND SUZDAL AUTHORITIES IN XVII CENTURY

E. S. Butrin

Shuya State Pedagogical University, Kooperativnaya str., 24, 155908, Shuya, Ivanovo region, Russia
esbutrin@yandex.ru

The article discusses the relations between the Shuya and Suzdal provincial authorities in XVII century in the context of the relations between a “big city” and its suburbs in the late medieval Russia. The author analyzes different types of Shuya's dependence on Suzdal, such as tax and judicial dependence, as well as the obligation to help the people of Suzdal in constructing the city's fortifications. Shuya's taxable dependence on Suzdal administration was a result of the crisis of local government during the Tushino period (1608–1610). Immediately after the reconstruction of the central administration, the Shuya residents tried to get rid of that dependence. However, the crisis in the country contributed to the arbitrariness of local administration; therefore they managed to become completely free from tax-paying claims of Suzdal only by the early 1620s. It is concluded that the Shuya residents perceived any attempt to limit their independence very negatively because it was associated with the implementation of commitments to the local administration. After their release from tax dependence, the Shuya people resolutely refused to carry all commitments, indicating that they had their own administration. At the same time, the remnants of Shuya's administrative dependence on Suzdal continued to exist during the XVII century. Moreover, it was supported by the Moscow administration because such dependence provided management flexibility in regions.

Key words: XVII century, suburb, vovoda, district administration, criminal administration, taxes.

References

- Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoy komissiiy. SPb., 1841. T. 1.
Akty podmoskovnykh opolcheniy i Zemskogo sobora 1611–1613 gg. / red. S.B. Veselovskiy. M., 1911.
Akty, sobrannye v bibliotekakh i arkhivakh Rossiyskoy imperii arheograficheskoy ekspeditsiy Imperatorskoy Akademii nauk (AAE). T. 2. SPb., 1836.
Arkhiv Sankt-Peterburgskogo filiala Instituta Rossiyskoy istorii RAN (Arkhiv SPb FIRI RAN). F. 21 (Kollektsiya V.A. Borisova). Op. 1.
Barsukov A.P. Spiski gorodovyykh vovod i drugikh lits vovodskogo upravleniya Moskovskogo gosudarstva XVII stoletiya. SPb., 1902.
Borisov V. A. Sobranie trudov (materialov): v 3-kh t. / red. E.G. Vopilin, V.I. Badelin. Ivanovo, 2002. T. 1; 2004. T. 2.
Chicherin B. N. Oblastnye uchrezhdeniya Rossii v XVII v. M., 1856.
Gosudarstvennyy arkhiv Ivanovskoy oblasti (GAIO). F. 324. (Kollektsiya Ya.P. Garelina). Op. 1, 2.
Gradovskiy A. D. Istoriya mestnogo upravleniya v Rossii. SPb., 1868. T. 1. Ermolaev I.P. Srednee Povolzh'e vo vtoroy polovine XVI – XVII vv. Kazan', 1982.
Kotshikhin G.K. O Rossii v tsarstvovanie Alekseya Mikhaylovicha. M., 2000.
Lappo-Danilevskiy A.S. Organizatsiya pryamogo oblozheniya v Moskovskom gosudarstve so vremen Smuty do epokhi preobrazovaniy. SPb., 1890.
Letopis' zanyatiy Arkheograficheskoy komissii za 1913 g. SPb., 1914. Vyp. 26.
Liseyev D.V. Chetvertnye prikazy v Rossii nachala XVII v. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. 2011. № 3.
Lyadov I.M. Otpiska v prinyatii dlya gosudareva dela loshadey s goroda Shui 1616 goda. *Vladimirskie gubernskie vedomosti*. 1874. № 3.
Lyubomirov P. G. Ocherk istorii Nizhegorodskogo opolcheniya. M., 1939.
Pamyatniki delovoy pis'mennosti XVII v.: Vladimirskiy kray / red. S.I. Kotkov. M., 1984.
Pistsovye knigi Vostochnogo Zamoskov'ya / sost. M.Yu. Zenchenko, N.P. Voskoboinikova, G.A. Ivanova, V.A. Kadik, A.V. Mashtafarov. M., 2007.
Sakharov A.M. Goroda Severo-Vostochnoy Rusi XIV–XV vv. M., 1959.
Smirnov P.P. Goroda Moskovskogo gosudarstva v pervoy polovine XVII v. Kiev, 1919. T. 2.
Tikhonravov K.N. Akt o vysylke v Suzdal' iz Shui rabochikh lyudey v 1668 g. *Vladimirskie gubernskie vedomosti*. 1860. № 4.